

Природа и типы Аму-Дарьинской дельты. Аму-Дарьинская ученая экспедиция.

НИВА, 1875, №3, стр.35 – 39

Н. Каразин.

Лямочки на Аму-Дарье. Рисов. член экспедиции Н.Н. Каразин, грав. Сташковский.

Ночное на реке Кичейли. Рисов. член экспедиции Н.Н. Каразин, грав. Боярский.

Вся громадная дельта Аму - это неизведанная еще, загадочная страна, исследование которой составляло цель нашей экспедиции, есть по преимуществу страна вод... Не смотря даже на близкое соседство таких необъятных, совершенно безводных пустынь, - страна эта сохраняет резкие черты, отличительно рознящие ее от прочих оазисов, - черты исключительно принадлежащие водным, богато-орошенным странам.

Земель, удобных непосредственно для обработки - здесь очень мало, а местами и нет вовсе; открытые обширные водные пространства сменяются болотами и топями, или же сплошными чащами камыша, джунгила, дикого терновника и прочей подобной растительности, обусловленной единственно обилием влажности в стране. Слабые руки полудикаря земледельца очищают себе под плантацию небольшие участки - и не всегда силы этих рук достаточно, чтобы год в год поддержать раз одержанную победу; иначе дикая растительность поглотит все, что им приобретено с величайшими усилиями, - усилиями, быть может такими, что повторить их земледелец уже не в состоянии.

Отходя от этих топей и зарослей, отступая туда, где вод все-таки не так много, - земледелец попадает между двух огней: на него надвигаются страшные соседи - сыпучие пески; а пески эти подступали вплотную, они стоят на самом, так сказать, пороге.

Ветер, дуя со стороны этих мертвых пространств, наносит целые тучи мелкого песка и пыли, движет вперед целые песчаные горы, изменяет их очертания и заваливает оросительные каналы земледельца, покрывает толстым слоем обработанные пространства.

И плоды колоссальных усилий человека гибнут разом - и гибнут безвозвратно.

Интересно проследить эту пограничную черту между мертвыми песчаными пустынями и обработанною землею. Путешественник ежеминутно видит перед собою разные признаки этой бесконечной борьбы рук земледельца с природою: там побеждает один, - здесь побеждает другая; - там в пески выдвинулась целая система арыков, по этим арыкам протекла вода, словно свежая кровь, впрыснутая в жилы умирающего тела, - эта вода оживила местность, - желтый однообразный фон запестрел зеленью, в зелени защебетали птицы, умирающее тело ожило.

А рядом, в свою очередь, в самую глубь плантаций врезались пески, покрыли поля, - потушили разгоревшуюся было жизнь, - и торчат в этом песке: высохшие стволы деревьев, разрушенные стены сакель, погребенных под аршинным и более слоем.

Много рук надо, чтобы с успехом выдерживать эту непрерывную борьбу, а рук этих очень и очень не много, их даже менее, чем достаточно; - поневоле человеку пришлось держаться поближе к водам и принаравливать всю свою жизнь, всю свою обстановку так, чтобы в этих водных массах видеть не врагов своих, а союзников - друзей.

Пришлось, значит, жить земноводной жизнью; - так и сложилась жизнь в низовьях Аму-Дарьинской дельты. Земля и ее плоды заняли второстепенную роль; вода и то, что в ней и на ней заняли первую...

Верблюд, это кровное дитя пустынь безводных, далеко отошел от берегов в свои степи; - каик, лодка заменила его здесь в низовьях - и заменила не без значительной выгоды для человека.

Обитатель этих землеводных аулов - более кочевник, чем оседлый. Он не может положиться на жилище постоянное; что может гарантировать ему безопасность? может ли он быть уверен,

что завтра вода не подступит к его порогу и не подмочит стены его сакли? – Кибитка легкая, во всякую минуту легко переносимая, – делается его постоянным обиталищем.

Эти кибитки значительно рознятся от кибиток степных кочевников, более прочных, комфортабельных, достигающих иногда значительных размеров и тяжести, – таких кибиток, что на подъем и разборку их потребно по несколько верблюдов. Здешняя кибитка – маленькая и легкая; один только верх ее войлочный, – стены же из камыша, подобранного и связанного, на манер того, как у нас делают балконные деревянные шторы.

Подобную кибитку один человек может снять и уложить в лодку менее чем за полчаса, – в столько же времени – он может и снова поставить ее на место. Начинается наводнение – весь аул, угрожаемый этим наводнением, быстро поднимается на ноги, снимает свои жилища, укладывает их на лодки со всем незатейливым домашним скарбом, – и перебирается на новое, сухое место, до которого вода доберется еще не скоро, а может быть и совсем не доберется.

Главный промысел этих аулов – рыболовство, – а это тоже такой промысел, что не позволяет сидеть на одном и том же месте; рыба тоже любит жизнь кочевую.

Я уже говорил, в одном из своих предыдущих писем, о быте и жизни кочевых рыбаков каракалпаков, об их временных жилищах, на водах озер Сары-Куль и Кара-Куль... Эти рассказы довольно ясно характеризуют их жизнь, чтобы теперь распространяться о том же более.

По всем низовьям дельты нельзя найти и одного пункта, куда невозможно было бы добраться водою, – а потому – водные пути суть главнейшие пути сообщения с дельтой. Опять верблюд оказывается совершенно лишним, его услуг не требуется, да к стати – животное это и само не может переносить влажного климата низовьев, не может выдержать этих испытаний – в виде мириад комаров и прочей кусающей твари... Верблюд бежит в свои сухие степи, – ни за какие деньги вы не найдете летом близко от низовьев даже одного пресловутого корабля пустыни.

Корова, коза, баран, отчасти лошадь, – вот и все что нужно каракалпаку: корова составляет роскошь, доступную не для каждого; лошадь еще большую роскошь; – остается баран и коза, но первый, тоже, как и верблюд, сын степей и не любит воды и ее туманов, хиреет и дохнет; остается коза, все переносимая, – ко всему применяющаяся. И вот это животное составляет главнейший элемент низового скотоводства.

Коза дает шерсть и молоко для детей; хлеба можно выменять на рыбу у оседлых земледельцев, денег можно достать, занявшись перевозкой тяжестей по водам арыков, протоков и бесчисленных рукавов Аму, – и жизнь каракалпака, полукочевого рыбака совершенно удовлетворена. Она полна; ему больше и желать нечего, – да, к стати, постоянный дамоклов меч, висящий над головой каракалпака, это страх тюркменских набегов, – для него имеет мало значения. Кто мешает ему снять свои кибитки при первом тревожном крике, уложить эти кибитки в лодки (каики), забрать в них жен своих и детей – и уйти в озера, в самую глубь этих недоступных камышей, куда уже, наверное, никакой тюркмен не доберется.

Казалось бы, при подобной обстановке – все изобретательные способности, все силы ума у низового каракалпака должны были быть устремлены на судостроение и усовершенствование лодок; на деле же выходит совсем напротив – такого же устройства кайки, каковы были несколько веков тому назад, быть может даже такие что перевозили знаменитого путешественника Марко Поло, – существуют и поныне, без всяких изменений и приспособлений. Эти кайки отличаются один от другого только размером; – самые большие достигают до двадцати пяти аршин длины и шести ширины; самые маленькие аршина четыре длины при ширине только аршин. Строятся кайки очень незатейливо, хотя довольно оригинальным способом.

Начинается постройка кайки так: вырывается яма в земле на берегу, совершенно такой формы, какую желают придать лодке, – стенки и дно этой ямы тщательно выравнивают и смазывают глиною. Устроив эту форму, начинают обкладывать ее кусками дерева, – сажают эти куски на шипы, проконопачивают промежуточные щели сухими цветковыми метелками камыша, оставляя на корме и носу узкие промежутки для вставки носового и кормового брусьев, вырубленных из целого дерева, по одной и той же форме; эти части довольно ясно заметны на нашем рисунке. Затем связывают всю постройку поперечными перекладинами, бимсами, – и, когда дело окончено, созывают как можно больше народу, чтобы прямо руками вынуть построенное судно из земли, – дотащить его до воды и спустить.

Работа большого каика тянется недели две, даже больше. Страшная дороговизна лесного материала влечет за собою конечно и большую стоимость лодок; так, например, хороший новый каик большого размера ценится в четыреста и более хивинских тилли?, сумма по-здешнему весьма значительная.

Обладатель большого каика может считать себя человеком богатым и совершенно обеспеченным. – Перевозя товары и продукты с места на место, он получает за провоз довольно значительную плату, вполне достаточную для удовлетворения всех его семейных потребностей и позволяющую, кроме того, скопить изрядный запасной капитал. Хороший каик приносит хозяину в год до пятисот и более тиллей, – так что в первый же год окупается с барышом стоимость постройки.

Маленькие каики строятся таким же образом, как и большие, но обходятся несравненно дешевле, потому что дороговизна дерева обуславливается главным образом его размерами: трудно найти большой брус – длиннее пяти аршин; мелкий же лес встречается в гораздо большем количестве. Особенно ценятся бимсы и кормовые части, а в малых лодках эти части не имеют большого значения.

Бедные семейства имеют общественные каики, по одному на несколько семей, – есть и такие бедняки, что всю жизнь не могут собраться обзавестись собственною лодкою, а потому вечно работают за плату у владельцев судов – и работают они положительно за безделицу, принимая в расчет их тяжелую, полную всевозможных лишений, трудовую службу.

Вниз по течению каики ходят на веслах и шестах, вверх только на ляшках, тягою по берегу, – даже самые маленькие каики не могут выгребать веслами против течения, и если дно глубоко и до него нельзя достать шестом, то и им приходится пользоваться исключительно этим допотопным способом.

Аму-Дарьинская ученая экспедиция. Лямочники на Аму-Дарье.

Рисов. членъ экспедиции Н. И. Карзинъ, грав. Станковскій.

Бурлачество, явление умершее у нас на Волге, – здесь, на Аму-Дарье, живет еще полной жизнью.

Наши рисунки изображают переезд членов экспедиции по протокам Аму-Дарьи вверх тягою на лямках; один – самое плавание, другой – остановку на ночлег.

Вот вам типы Аму-Дарьинских бурлаков – “каикчи”. Оборванные, босоногие, в громадных отрепанных бараньих шапках, они мерно, нога в ногу, тянутся по поросшему камышом берегу... Дорога их тяжелая и не безопасная. – То им приходится пробираться сквозь чащу колючего кустарника, то лепиться по самому краю обрыва, рискуя ежеминутно быть сдернутым бечевой в воду, то надо вязнуть по грудь в топком береговом болоте... Принимая во внимание еще мириады комаров, ядовитых змей, гнездящихся в чаще и под кочками болот, страшные низовые лихорадки – мало найдется людей, которые могли бы позавидовать жизни этих бедняков полудикарей...

Аму-Дарьинская ученая экспедиция. Ночное на рѣкѣ Кичейли.

Рисов. членъ экспедиціи Н. Н. Каразинъ, грав. Болдскій.

Рассвет поднимает бурлаков на ноги и запрягает их в лямки, – глубокая ночь и полная темнота останавливает плавание, и каикчи ложатся спать. Днем останавливаются редко и не надолго; хозяин лодки то и дело покрикивает: гайда – гайда... гей! Барра-кельды! – и другие понукающие возгласы...

На ночь лодку притягивают к берегу, – прочно привязывают ее или к деревьям, если таковые имеются, или же ко вбитым в землю шестам, если местность голая; все высаживаются на берег, первым делом разбивают полога от комаров, как изображено на нашем втором рисунке, раскладывают огни для дыма, по той же причине, – и ложатся спать, заползая под эти полога, куда комары забраться не могут.

Пункты подобных ночлегов большею частью одни и те же; к ним уже попривыкли и на них всегда собираются по несколько каиков, так что ночь проводится в довольно большом обществе. Я видел подобные стоянки, – где собиралось каиков по двадцати и больше.

Вниз по течению каики спускаются довольно скоро; вверх же тянутся чрезвычайно медленно, – но азиатский народ неторопливый: им все равно – днем ли раньше прийти или же позже, на лодке покойно сидеть и спать, на этой же лодке, на носовой части устроена и печь для варки пищи – чего же еще нужно?

Только богатые владельцы лошадей, народ торопливый, предпочитают переезды верхом или на арбах – прямыми дорогами; большинство же и не садится на седло, проводя почти всю жизнь на лодках.